

АННА СЕШТ

ЗОВ
ДИКОЙ ОХОТЫ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ HELGA WOJIK

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С28

*Иллюстрации на переплете, форзаце,
нахзаце и в тексте Helga Wojik*

Сешт, Анна.

С28 Зов Дикой Охоты / Анна Сешт; илл. Helga
Wojik. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. ; с илл.

ISBN 978-5-04-162021-9

Заповедные леса поют древним волшебством в заботливых руках Богини, древней Матери людей и фэйри. Кодовские огни замораживают странников, и духи нашептывают старые сказки...

В ослепительном свете дня перед людьми открыт путь нового знания, способного выжечь старые страхи, изгнать таящихся в кодовской ночи чудовищ. В руках умелых воинов покоряет земли волшебства ядовитая сталь.

Дикая Охота мчится над землёй, и звенит, леденя кровь, рог Бога-Охотника. Как и прежде, Всадники заберут отжившее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сешт А., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

SBN 978-5-04-162021-9

*Всадники скачут от Нок-на-Рей
Мчат над могилою Клот-на-Бар,
Кайлте пылает, словно пожар,
И Ниав кличет: «Скорей, скорей!
Выкинь из сердца смертные сны,
Кружатся листья, кони летят,
Волосы ветром относит назад,
Огненны очи, лица бледны.
Призрачной скачки неустов пыл,
Кто нас увидел, навек пропал:
Он позабудет, о чём мечтал,
Всё позабудет, чем прежде жил.
Скачут и кличут во тьме ночей,
И нет страшней и прекрасней чар;
Кайлте пылает, словно пожар,
И Ниав громко зовёт: Скорей!»*

**У.Б. Йейтс. Воинство сигов.
в переводе Г. Кружкова**

— Склонись перед своим королём, — проговорил кемранский военачальник.

Айдра по прозвищу Волчье Око — вождь дикого народа келлов — не удостоил его даже взглядом. Во все глаза он смотрел на стоявшего перед ним демона во плоти, облачённого в тускло поблёскивающие доспехи. Только демон, не человек, мог сражаться *так*. Могучие воины-келлы не смогли противостоять ему и его рыцарям. Даже сам Айдра, вызвав его на бой, проиграл. Что ж, за таким, как Вальтен Завоеватель, непобедимый владыка Кемрана, не стыдно было последовать и гордому народу келлов, если бы только он не нёс с собой новое противоестественное знание. Но доходили смутные слухи, что Завоеватель не поработал завоёванные народы, не сгибал их тяжёлым ярмом ядовитой стали. Кемранцы были воинами, а не головорезами и не проливали лишней крови.

Сегодня вождю предстояло проверить это.

— Я отдаю тебе свою жизнь с радостью, Вальтен Завоеватель. Пощади мой народ. Что мы сможем предложить тебе и Кемрану, если ты убьёшь всё то, что мы чувствуем?

Взмах руки, закованной в латную перчатку, — и воины вокруг Айдры опустили направленные на вождя клинки. Король Кемрана поднял забрало.

«Так молод!» — изумлённо подумал Волчье Око, глядя на жёсткое, как у всех кемранцев, благородное лицо короля.

Вальтен Завоеватель, одолевший в бою самого Айдру из келлов, действительно был намного моложе, чем мог представить себе вождь. Но его ледяные тёмно-синие глаза не горели юношеским задором победителя. В них были такая горечь и усталость, что это выделяло его даже среди представителей его хмурой, скупой на эмоции расы.

— Я хочу, чтобы ты остался вождём, Айдра Волчье Око, — сказал король. — Присягни мне сегодня. Я оставляю твоему народу ваши земли, если они станут частью Кемрана. Служите мне, как служит мне мой народ. Мне нужен ваш дух воинов, а не дух рабов.

Изумлению Айдры не было предела.

— Во имя Отца и Матери Мира! Ты принёс в наши земли ядовитую сталь. Чего же ты хочешь, король Вальтен?

Нечто странное отразилось в тёмных глазах кемранского властителя, величайшего воина их времени, чья слава гремела по всем известным землям.

— Я хочу, чтобы вы сохранили то, во что верите, *любой ценой*. Поклянись мне, Айдра Волчье Око, и останешься вождём своего народа.

В тот день народ келлов присягнул Кемрану, и границы королевства расширились.

— Каков твой следующий приказ, мой король? — спросил военачальник Торан, когда пришло время покидать земли келлов. — Возвращаемся домой?

Зов Дикой Охоты

Вальтен Завоеватель покачал головой.

— Пусть основная часть войска возвращается в Кемран. Я хочу навестить нашего союзника, короля-друида Иннру. Поезжай со мной, если желаешь, и отбери воинов нам в сопровождение.

Суровое лицо Торана просветлело, и он поклонился в седле.

— Да, мой король.

Радостное волнение царило среди его воинов, когда он передал им приказ короля: отправляться в Валлу, землю волшебства. Не только его сердцу Валла дарила покой, который Торан давно уже не чувствовал дома.

Ноги сами несли её в колдовском танце, в ритме чарующей песни. Эту песню ткал ночной ветер, и она вторила ему своим волшебным голосом, в котором звенели тени потустороннего. Искры мелодий осыпались в город, стучались в запертые ставни, но большинство людей страшилось отзывать на стук и отпирать свои сны. Лишь немногих смелых касались отзвуки её сказки.

Ночь расправила свои тёмные украшенные россыпью бриллиантов крылья, вздохнула и разлилась лунным светом. Остались позади замковый сад, спящий город, крепостная стена. Она протанцевала над лугом и теперь летела к заповедному губовому лесу, издревле находившемуся под защитой королевского рода. Лес манил её, звал. Вдалеке она слышала переливы других голосов, подобных её собственному. Ей никогда не удавалось приблизиться к ним достаточно, чтобы поймать блуждающие огни и увидеть лица тех, кто звал её так пронзительно и невыносимо самим своим присутствием. Она пела, и они слышали, но не могли приблизиться к ней так же, как она не могла найти их. Она брела по их следу, иногда находя отмеченные ими заколдованные поляны, но всегда чуточку опаздывала, приходила, когда они уже

Зов Дикой Охоты

снимались с места и отправлялись дальше по своим зачарованным тропам.

Её босые ноги коснулись мягкой травы, когда она в нерешительности остановилась на краю леса, прервав свой танец-полёт. Вдалеке, во мраке чащобы, в хитро-сплетениях гревных ветвей звенели нездешние голоса, манила, вынимала сердце из груди сказочная музыка. Больно было понимать, что сегодня она снова не доберётся до них, но она должна была попробовать.

Раздался едва слышный призрачный перестук копыт. Она обернулась, уже зная, кого увидит там. Тёмный сотканный крылатой ночью неосёдланный конь переступал с ноги на ногу, не решаясь приблизиться к ней. Непокорное пламя рубиновых глаз приглушала глубокая печаль. Следом вынырнули из мрака туманные псы, завились текучими тенями, обретая подобие формы. Они радостно приветствовали её, но тоже не решились приблизиться.

А потом показался тот, кто встречал её здесь каждый раз, — тёмный Всадник на таком же коне, как тот, что одиноко ждал её. Его плащ висел сложенными чёрными крыльями, а лицо, как всегда, скрывал глубокий капюшон. Затянутые в перчатки руки сжимали поводья коня — мглистые змейки, охватывавшие шею мудрого скакуна, никогда не знавшего узды.

— Пусть ночь раскроет вам желанные объятия, — тихо поприветствовала она привычной фразой всё это странное собрание.

Псы тихо, шепчуще заскулили. Кому-то этот звук показался бы жутким, как заунывная песнь призраков, но только не ей. Кони негромко приветственно заржали. Голос каждого из них был будто соткан из нескольких и отозвался в лесу потусторонним эхом.

Всадник склонил голову.

— Пусть она осыплет тебя своими драгоценностями.

Его голос — глубокий, тягучий — тоже не мог принадлежать никому из тех, кто каждый белый день бродил по земле. Для неё этот голос был мягким, но он мог быть и смертоносным, как последний свист меча.

Она чуть улыбнулась, радуясь встрече, а потом с тоской посмотрела на лес, вслушиваясь в перезвон далёких голосов.

— Ты не сможешь достигнуть их, пока не очнёшься ото сна **там**, — тихо напомнил Всадник, — от сна куда как более глубокого, чем тот, что приводит тебя сюда.

— Но ведь ты приходишь. — Она чуть улыбнулась ему и приблизилась, вглядываясь в провал капюшона. — **Они** не дожидаются меня, но ты приходишь всегда.

Черт его лица она никогда так и не смогла разглядеть и не помнила даже, было ли у него лицо. Но иногда, как сейчас, его глаза вспыхивали вдруг, как у ночного зверя — серебристо-стальные огни в тени.

— Мы здесь для тебя, — пожал плечами Всадник, придерживая поводья своего коня. — Мы выбрали так.

Она протянула руку и, остановив лагерь почти у самой головы скакуна, вздохнула.

— Я благодарна вам. Но вы ведь не можете вернуться домой. Из-за меня...

— Пока не можем, да. Как и ты.

Своим сердцем, самой глубиной своей сути она помнила, о чём он говорил, но никак не могла поймать пламенную птицу этой мысли — так же как не могла поймать блуждающие огни в лесу. Была только неизбывная тоска по чему-то безвозвратно утерянному, и она не знала дороги, хоть та и звала её.

— Как жаль, что вас даже нельзя коснуться.

Зов Дикой Охоты

Туманные псы заскулили, грустно перетекая из формы в форму. Неосёдланный конь досадливо стукнул копытом, высекая искры. Всадник только покачал головой.

— Слишком дорого гастся тебе каждое касание здесь, на границе, когда не истончается Вуаль Матери. Мы выпьем силы твоей хрупкой плоти, сами того не желая.

Как в тумане она внутренне увидела давнее своё пробуждение, когда руки и ноги налились свинцом, кровь отказывалась течь по венам и каждый вздох давался с трудом. Но ночной полёт стоил того, стоил каждой минуты последующего странного недуга, и сейчас она мечтала повторить его.

Всадник нарушил молчание, прежде чем она успела попросить его.

— Ты полюбила человека, — проговорил он с нотками печали.

Она отвела взгляд и кивнула.

— А желанна ли ему ты?

— Нежеланна, — с горечью ответила она. — Не обещана. Его сердце молчаливо, как заброшенный лесной омут. И всё же я смею мечтать, что сумею пробудить его.

Всадник ничего не ответил. Она решительно подалась вперёд и сжала его затянутую в перчатку руку...

Риана вскрикнула и проснулась. Казалось, кто-то скинул её на смятую постель, и болью отозвалась каждая косточка. Сердце вяло трепыхалось в груди — как и всегда после её снов-путешествий. Она попыталась поймать то томительное чувство, вспомнить подробности... и не смогла. Ей остались лишь хрупкие отголоски пережитого, мельчайшие искры вместо огня, который до поры до времени свернулся где-то на самом дне её сути.

Рука онемела и похолодела, но сейчас девушка была рада этому напоминанию о том, что всё было *по-настоящему*. Её ждали. *Где-то* она всё же была желанна. *Где-то* она умела всё то, что должна была уметь. Она могла не помнить всего, но знала это сердцем.

Здесь она совсем не могла танцевать. Кто-то будто подменял её ноги, и они забывали грациозность походки принцессы, делались вдруг чужими и неуклюжими.

Здесь она не могла петь. Стоило ей попытаться исполнить какую-нибудь балладу, как её низкий приятный обычно голос начинал походить на воронье карканье.

Риана пробовала, обманывая себя ожиданиями, и раз за разом разочаровывалась. Но и не пытаться она не могла. Её сердце томилось без музыки, и она чувствовала себя покаленной без возможности выразить себя так, как хотела. А уж сколько раз она слышала шепотки за спиной! *«Младшая гость прекрасной королевы-ведьмы Лиоры так похожа на неё лицом! Но ах, Риана ведь не унаследовала её даров, кроме потомственного ведьмовства, типичного для женщин Валлы, и особенно для королевской семьи»*.

Всё это она могла в своих снах-путешествиях и поэтому знала, чего была лишена. А ещё песня и танец становились подвластны ей в Священные Дни, но в этом как раз не было ничего удивительного. Когда истончалась Вуаль Матери, у многих открывались недоступные в обычное время таланты. Зато одного у принцессы не мог отнять никто: она писала чудесные сказки о местах и событиях, которых никто не видел, но о которых мечтали многие. Она и сама не знала, откуда к ней спускалось вдохновение. Возможно, слова и образы навевали ей эти сны-путешествия.

Спohватившись, Риана быстро поднялась с ложа и подбежала к распахнутому окну, но не успела задви-

Зов Дикой Охоты

нуть щеколду — Илса вошла раньше. Хмуρο окинув девушку взглядом, пожилая ведьма покачала головой, прошла к окну и быстро закрыла его.

— Снова ты уходила! Волосы спутаны, босые ноги покрывает роса, а ночной убор смят и пахнет лесом. Не отпускают тебя Дороги Ши¹. Может быть, права была твоя покойная матушка, когда советовала забрать окна решётками из звёздного железа. Да только где ж его взять-то!

— Не сердись, Илса, — тихо попросила девушка. — Я не помню, как ухожу, но я ведь всегда возвращаюсь. И никто ещё ни разу не видел меня.

Илса прищурилась. В её пронизательных глазах отразилась тень искренней тревоги за девушку. Но даже она так и не смогла простить Риане смерть королевы, своей близкой подруги. И так же, как и все, Илса побаивалась того, что таилось в принцессе.

— А если заблудишься однажды и не вернёшься домой? Это разобьёт твоему отцу сердце.

Риана с горечью усмехнулась.

— Он бы и рад был, если б я никогда не вернулась. Может быть, мне и правда стоит заблудиться на Дорогах Ши...

— Не говори так, девочка моя. Сегодня канун Праздника Отцова Огня. Вуаль Матери истончается в такие ночи над всем Миром, и *другие* Её дети бродят среди нас. Сейчас особенно опасно вести такие речи.

— В эту ночь я, как и прочие, вряд ли буду спать. — Девушка чуть улыбнулась.

¹ Ши, или Сиды, Сидхи (Aes Sidhe) — в кельтской мифологии высшие Фэйри. В кельтском фольклоре Фэйри общее название для всех сверхъестественных существ. В некоторых легендах Ши ещё считались старшей братской расой людей (примеч. автора).